

Действуй, Принцесса!

Автор:

Юлия Климова

Действуй, Принцесса!

Юлия Климова

Анастасия Ланье #2

Раньше Анастасия Ланье проживала в деревне. Но потом судьба сделала кувырок через голову, и юная мечтательница оказалась в роскошном доме своей бабушки. Теперь за короткий срок Настя должна превратиться в идеальную леди (прощай, гадкий утенок, здравствуй, лебедь!), но, оказывается, не так-то просто справиться с собственным характером...

Семейные тайны, интриги, друзья, враги и... любовь. Да, это все прилагается к новой жизни! Но ни на миг нельзя забывать о том, что бабушка цепко следит за каждым шагом своей наследницы...

Юлия Климова

Действуй, Принцесса!

Глава 1

Детство, отрочество, юность и робкая надежда на счастье

Раннее детство я не помню, и, видимо, с этим уже ничего не поделаешь. Ну что ж, значит, так нужно...

Для меня жизнь началась с шестилетнего возраста, с момента, когда я проснулась, открыла глаза и познакомилась с Тamarой Яковлевной Зубенко – женщиной резкой, громкой, решающей любые проблемы быстро и стандартно (виновных необходимо казнить в рекордно короткие сроки и желательно два раза подряд). Она представилась моей дальней родственницей, но теперь-то я знаю, что ничего общего между нами нет и ветви ее генеалогического древа никогда не пересекались с ветвями моего. Этот факт вряд ли можно считать огорчительным, потому что с тетей Томой мы не были душевно близки, и в лучшем случае наши отношения напоминали предгрозовое затишье, а в худшем – грозу.

Обычно тетя Тома «ласково» называла меня «кладбищенской часовней», ругала за малейшие провинности и загружала массой домашних дел, не слишком надеясь на то, что труд все же сделает из «бестолковой и бесполезной занозы» (то есть из меня) нормального человека. А я больше всего любила, когда тетя Тома засиживается у соседок до утра или уезжает в город на пару дней. Вот она, свобода!

До тринадцати лет дни летели быстро, ходили один на другой и не сулили ничего нового и интересного: я носилась по деревне, ходила в школу, дружила с Лилькой, читала книги, мечтала и искренне полагала, что так будет всегда. Никакой ветер перемен не заденет наш выцветший домик, не коснется моей щеки, не тронет светлых прямых волос и не всколыхнет череду привычных дел и забот...

Но однажды, десятого февраля, мой личный мир – мир Анастасии Ланье – буквально содрогнулся от двух подарков Ее Величества Судьбы. Сразу после уроков я полюбила Павла Акимова, а вечером нашла под подушкой ожерелье и фотографию своей мамы. Да, это была моя мама! Я ее узнала! От шока онемело все: руки, ноги, шея, живот, нос... Вряд ли я когда-нибудь забуду тот день рождения.

Любовь о своем визите заранее не предупреждает, и трепетные чувства к Павлу Акимову стали для меня полнейшей неожиданностью (впрочем, и для него тоже). Дом его бабушки и дедушки располагался неподалеку от нашей деревни, у пруда, и привлекал внимание всей округи, потому что был огромным,

величественным и красивым. «Богатеи Акимовы» – называл мой одноклассник Колька эту семью, при этом он многозначительно хмыкал и кривил губы.

Изначально слухи об этом доме ходили разные: по данным разведки, там жили то знаменитый актер, то вооруженные до зубов бандиты, то безумный коллекционер, то сумасшедшая бабка-гадалка, то экстрасенс, то хирург, славящийся нехорошими экспериментами над кошками, то еще кто-то. Подозреваю, что все эти истории придумывал Колька (вместе с приятелями), затем старательно распространял их по деревне, а уж потом байки неслись дальше, обрастая живописными подробностями.

Но у пруда проживала пожилая чета: мужчина, часто попыхивавший трубкой на балконе, и чудаковатая женщина, обожавшая пуделей и розовый цвет. Изредка их навещали внуки Павел и Лиза, а также дальняя и близкая родня.

В день моего рождения любопытство заставило нас с Лилькой прогуляться к дому Акимовых, и на морозе моя губа припечаталась к решетчатым воротам. До чего же было больно и обидно! Я испугалась, вскрикнула и практически сразу увидела Павла. Наши взгляды встретились. В детских сердцах вспыхнули искры, заволновались чувства, а затем разгорелся пожар, который никто тушить не хотел и не собирался – до поры до времени.

Я и не знала, что так бывает: счастье может граничить с погибелью, надежда с отчаянием, радость с грустью, и не поймешь, от чего холодно, а от чего горячо...

Павел пригласил нас в гости. Согласившись, мы с Лилькой минут через пятнадцать уже пили чай и лопали вкуснейшие пирожные, политые глазурью и обсыпанные сахарной пудрой. Уходить не хотелось, и, конечно, я надеялась на скорую встречу.

А вечером, приподняв подушку, я обнаружила на простыне то самое ожерелье: тонкая змейка с аккуратной плоской застежкой, круглые хрустальные камушки, квадратные зеленые камушки и зеленые капельки в промежутках. Тетя Тома не могла преподнести мне такой подарок, и я сразу сообразила, что украшение лучше спрятать и никому не показывать.

Родителей я помнила очень смутно, знала лишь, что они погибли в автомобильной катастрофе, а заполнить пробелы прошлого хоть какой-нибудь

информацией, к сожалению, не получалось – тетья Тома не одобряла подобных разговоров, лишь раздражалась и называла меня все той же «кладбищенской часовней». Под подушкой еще лежала фотография мамы... Эти находки создавали загадку, которую мне предстояло разгадать, но случилось это через долгих пять лет.

На следующий день Павел спас меня от местной шпаны – Славки Шумейко по кличке Шаман и Вадьки Авдонины по кличке Доня, – а затем исчез, будто растворился в воздухе, оставив в душе лишь ноющую боль и трепетные воспоминания.

Два года пролетели незаметно. Я вытянулась и превратилась в нескладного богomoла, моя подруга Лилька, наоборот, округлилась и похорошела. С каким же удивлением мы узнали, что Славка Шаман давно влюблен в меня и делает все, чтобы почаще попадаться мне на глаза! Но разве я могла ответить взаимностью? Нет. Я ложилась и просыпалась с именем Павла на устах.

Желая наказать Кольку за постоянные выдумки, мы с Лилькой решили его напугать. И это было совсем нетрудно, потому что Колька с приятелями проводил вечера у пруда, а нет ничего проще, чем нарядиться в утопленников и с завыванием выползти из воды на берег. Мы с Лилькой так вжились в роль, что чуть не перепугали друг друга: с белыми от мела лицами, с развевающимися на руках бинтами, в мокрых футболках, мы смотрелись хорошо и производили нужное впечатление – ужасающее. Но каково же было наше изумление, когда мы обнаружили около костра не Кольку в обществе друзей-приятелей, а... Павла Акимова!

Павлу исполнилось семнадцать, и он уже не походил на симпатичного мальчика-подростка: в нем чувствовалось слишком много силы и твердости. Он стал мужчиной. Да. И я погибла мгновенно...

На следующий день я слонялась по округе, мечтая о «случайной» встрече. Душа рвалась к Павлу, и все мысли были о нем. Воображение рисовало такие невероятные радужные картины, что с лица не сходила улыбка, и шаг становился то замедленно-плавным, то бодрым и радостным. «Вот же я... Вот же... Я здесь... А где ты?»

Но сначала на меня налетела Лилька и сообщила, что ее родители уезжают, в связи с чем она устраивает вечеринку, на которую уже пригласила Павла, а затем появился и он. «Привет» – обычное слово, но сколько в нем надежды!

Мы гуляли по деревне, взявшись за руки, и я была такой счастливой и смелой, что не боялась гнева тети Томи и думала лишь о хорошем: о небе, солнце, траве и предстоящей вечеринке на Лилькиной веранде... Я предчувствовала робкие и смелые прикосновения, искренние слова и поцелуй (хотя бы один, пусть даже самый короткий!) и очень надеялась, что в душе Павла царит такая же сумятица. Вокруг нас витало волнение, и делать вид, будто ничего особенного не происходит, было глупо и бессмысленно.

Утром, справившись с похмельем, тетя Тома уехала в Москву, и уже никто не мог помешать моему обязательному счастью. Начиналась сказка! Баба-яга опрометчиво оставила Аленушку без присмотра, а неподалеку проживал царевич Елисей... Я, конечно, догадывалась, что на свете существуют еще Кощей Бессмертный, леший, болотные кикиморы, водяной, ведьмы и прочие отрицательные персонажи, но в тот момент совершенно об этом не думала. На моей улице царил праздник.

И Павел сказал мне те самые слова, и мы обжигали друг друга взглядами, и прикосновения лишали сил, и каждое мгновение казалось самым лучшим и самым важным. И да, мы целовались. Но в самый волшебный миг, когда за спиной уже выросли крылья, а ноги отрывались от пола, счастье было безжалостно растоптано сестрой Павла – Лизой (кикиморой болотной!). «Не спорю, он в тебя втрескался по уши, – усмехнулась она чуть позже. – Но только ничего у вас не получится». Настроение было подпорчено, но я все же верила в хорошее, а не в плохое. «Он обещал, обещал, обещал...» – отстукивало сердце.

Лиза оказалась права. Утром ко мне пришла мать Павла и потребовала немедленно прекратить отношения с ее сыном. Кем я была в ее глазах? Самой обыкновенной деревенской девчонкой, не блещущей красотой, носившей старую одежду, малообразованной, простой. А еще Мария Александровна Акимова считала меня хитрой и ловкой пронырой, готовой на все, лишь бы пролезть в их семью и хорошо устроиться в Москве. Но в моей душе была лишь искренняя любовь... И больше ничего.

«Ты для меня значишь очень, очень много. Но я должен... Должен поступить так, как просит она! У меня есть обязательства...» – вот что сказал Павел, когда мы

встретились на развилке дорог и судьбы. Я видела в его глазах боль, но гордость и отчаяние развернули меня на сто восемьдесят градусов и подтолкнули к дому. Мы расставались на годы.

Из города тетя Тома вернулась не одна, а в обществе статной черноволосой женщины по имени Карина Филипповна – моей настоящей тети. Она практически сразу увезла меня в Москву, насмешливо объяснив по дороге, какое положение занимают мои родственники. «Ланье – одна из самых известных фамилий, глупышка. Нашей семье принадлежит весь ювелирный мир. Принадлежит вместе с потрохами, прошлым, настоящим и будущим. Теперь ясно?»

Карина Филипповна вела машину по шумным городским улицам, а я и не догадывалась о том, что ждет меня впереди.[1 - Об этом можно прочитать в романе Ю. Климовой «Счастье на тонких ножках». – М.: Эксмо, 2011.]

Вот так я оказалась в богатом доме моей бабушки – женщины властной и высокомерной, не склонной к иллюзиям и сомнениям, точно знающей, как кому жить, что можно делать, а что нельзя. Это она, Эдита Павловна, много лет назад отправила меня в деревню «на вечное заточение», «на радость» тете Томе, но потом передумала. Я слишком походила на мать, а не на отца, и бабушке было трудно простить мне постоянное напоминание о той, что посмела полюбить другого человека и попросила развод. Развод... О, такое не должно происходить в семье Ланье! Особенно если оставить собираются сына Эдиты Павловны... Но годы шли, и тяжесть совершенной несправедливости не давала бабушке покоя, к тому же срочно требовалась наследница, способная со временем принять на себя ответственность за Ювелирный дом Ланье.

Родственников я не помнила, и пришлось с ними знакомиться. Еще одна тетя – Нина Филипповна, дядя – Семен Германович Чердынцев и двоюродная сестра – Валерия. Очень разные люди.

В честь моего возвращения бабушка устроила званый ужин, который, наверное, правильнее назвать светским приемом. Я надела красивое платье, туфли и ожерелье, найденное под подушкой, чем шокировала всех, кого только можно. Оказалось, это не дешевая безделушка, а украшение, ранее принадлежавшее Екатерине Второй и впоследствии, спустя много лет, ставшее символом Ювелирного дома Ланье. Символом, исчезнувшим давным-давно. Кто же подарил мне его на тринадцатилетие? Разгадка ждала своего часа.

В конце августа меня отправили в частную школу, где я провела три интересных, счастливых и спокойных года. Эдита Павловна навещала меня редко, но это не мешало ей внимательно следить за моими оценками и планировать мою жизнь. Временами она посылала пакет гостинцев со своими служащими – то одним, то другим. Чаще всего приезжал Тим. Высокий, независимый, красивый, он сводил с ума моих одноклассниц – они считали нас парой и не верили моим заверениям, что отношения у нас приятельские, не более того. Когда я вернулась в дом Эдиты Павловны, Тим признался, что я ему нравлюсь, но в моей душе по-прежнему жила любовь к Павлу. Я не могла справиться с этим чувством, ругала себя за категоричность, гордость и мечтала, мечтала, мечтала...

Бабушка решила сразу ограничить мою личную свободу – я имела право встречаться только с достойным молодым человеком из хорошей семьи, за которого после окончания университета должна выйти замуж. Шаг вправо, шаг влево – преступление, вечный позор, пятно на истории семьи Ланье.

Прилюдная казнь в случае непослушания мне, правда, не грозила (Эдита Павловна не выставляла напоказ семейные «трагедии»), но какие-нибудь суетливые карлики наверняка бы замуровали меня в подвале на веки вечные или великаны-горбуны засунули бы меня в бочку, засмолили ее и бросили в Москву-реку. Иногда по взгляду и тону бабушки я вполне могла предполагать нечто подобное.

Ее выбор пал на... Павла Акимова. Я испытала шок! Судьба плотно сжимала кольцо вокруг нас, подкидывала то одно испытание, то другое и терпеливо не ставила точку, предлагая шанс, надежду, веру, и не торопила. Да, Эдита Павловна решительно выбрала мне в мужья именно того, о ком тосковало мое сердце! Наша встреча получилась необычной, взволнованной, терпкой, острой, холодной, теплой... Мы, казалось, потерявшие друг друга навсегда, вдруг перешагнули все мыслимые и немыслимые запреты и смешали прошлое, настоящее и будущее. И неоткуда было ждать проблем – наши отношения были одобрены и моей бабушкой и матерью Павла. У Марии Александровны моя персона больше не вызывала резкого «Ни за что на свете!» – теперь я была наследницей Ланье, а перед этим меркло даже мое деревенское детство. И дорога к счастью (о чудо!) измерялась смешными метрами.

Так случилось, что тайну ожерелья мне помог разгадать отец Павла. Он рассказал о том, что моя мама полюбила другого человека, но папа и бабушка не

позволили ей забрать меня и уйти. Я вспомнила некоторые факты, слова, хорошенько поразмыслила и поняла, кто много лет назад положил украшение под подушку, – Клим Шелаев, сын любимого человека моей мамы и враг нашей семьи. Отправившись к Шелаеву, я хотела услышать подтверждение моей догадки, хотела посмотреть в его глаза в тот момент, когда я скажу правду. Но, увы, в этой игре я не стала победителем. Оказалось, бабушка разорила отца Клима, и тот вскоре умер от инфаркта. Эта история буквально стоит у меня за спиной, время от времени хлопает по плечу и не дает покоя.

Шелаев, похоже, считает меня оружием в своих руках. Нет, не так. Он считает, что даже без его особого участия я рано или поздно взорву спокойную размеренную жизнь дома Ланье. А он будет сидеть в партере и с улыбкой наблюдать.

События и открытия навалились на меня с такой силой, что я устремилась к Павлу – только он мог утешить, только он мог спасти. Мы бросились в объятия друг друга и долго не замечали ничего вокруг. Детская обида таяла, душа успокаивалась, но настойчивые вопросы кружились в моей голове и требовали внимания.

«Ты говорил, что ездил с отцом к бабушке в прошлом году... А ты заходил в мою деревню? Искал меня?» Я предчувствовала ответ, боялась его... «Нет... У меня есть обязательства перед семьей, и ты это знаешь...» Вот так. В стоптанных босоножках, в выцветшем сарафане он не мог принять меня (такую партию не одобрила бы его мать), но если я – внучка Эдиты Павловны Ланье... Тогда другое дело.

Сердце ныло, горело, гило, но я нашла в себе мужество сказать «прощай». Мне нужна другая любовь. Настоящая. Не предательская. Которую не кладут на полированную полку с надписью: «Проверено. Одобрено. Удобно».

«Прощай». Хорошее слово. Сильное. Нужно только не забывать его и не оглядываться назад.

Мне хотелось чуть-чуть счастья, совсем немного... Я нуждалась в поддержке, в добром, чутком человеке, готовом заслонить меня собой, если придется. Меня измучили одиночество, а также сдержанность, строгость и холодность мира Ланье, в моей душе было слишком много нерастраченного тепла.

Дома, выпив на кухне чай, я окончательно и бесповоротно простилась с прошлым – и ноги сами понесли меня на третий этаж, к Тиму.

* * *

В дверь я постучалась смущенно и робко. Еще на предпоследней ступеньке моя решимость пошла на спад. Удивительно, с какой скоростью и силой обостряются чувства в минуту отчаяния и с какой поспешностью они рассыпаются чуть ли не в пыль, лишь потребуются совершить пусть маленький, но подвиг. Мне предстояло преодолеть смущение и страх – ни того ни другого я никогда не испытывала рядом с Тимом, а вот теперь... Хотя, надо признать, неловкость изредка присутствовала в наших приятельских отношениях...

– Открыто, – донесся его голос.

«Мы просто поболтаем, – приободрила я себя. – Я же и пришла просто поболтать».

Щеки вспыхнули и погасли, дыхание сбилось, но почти сразу выровнялось.

На третьем этаже дома проживали бабушкины служащие. «Прислуга», по выражению Карины Филипповны. Комната Тима была небольшой, обставленной стандартной мебелью, без излишеств. Он не всегда оставался на ночь, да и днем бывал «проездом», может, поэтому в комнате присутствовало очень мало вещей, отражавших характер и увлечения ее обитателя. Все по-спартански. А может, Тим и был таким – серьезным, собранным, не выставляющим напоказ свой мир... Несмотря на то что наши приятельские отношения измерялись годами, я не знала о нем практически ничего: любит ли он сладкое, ходит ли в кино, читает ли книги, большая ли у него семья? Наверное, мое смущение объяснялось как раз тем, что я перешагнула порог чего-то личного... В душе перешагнула.

Тим сидел на кровати и затягивал шнуры объемного рюкзака. Белая майка подчеркивала загар, светлая челка, упавшая на лоб, добавляла внешности мальчишескую легкость, потертые джинсы с рваными полосками на штанинах завершали образ двадцатитрехлетнего парня, равнодушно относящегося к стильной одежде, предпочитающего удобство, естественность и свободу.

- Привет, - выдохнула я и подошла ближе.

- Привет, - Тим поднял голову и улыбнулся. - А я как раз собирался к тебе. Попрощаться.

«Только не это, только не это, - мысленно затараторила я, остановив взгляд на рюкзаке. Вжикнула «молния» бокового кармана, и в комнате запахло расставанием. - Не оставляй меня одну, не сейчас... Тим, пожалуйста, не сейчас!»

Медленно, но верно я превращалась в эгоистку.

- А куда ты уезжаешь?

- На Кавказ. Заскочил за вещами... Эдита Павловна наконец-то согласилась на мой отпуск. И не на двухнедельный, как три года назад. - Тим вновь улыбнулся, намекая на то, что моя бабушка не слишком-то часто балует служащих положенными каникулами. - Отпустила на месяц. Представляешь? Целый месяц. - Он сделал несколько шагов ко мне, взял за плечи и заглянул в глаза: - Что тебе привезти?

«А нельзя ли мне залезть в рюкзак и уехать с тобой? Тайно. Как в романах, которые я читала в деревенской библиотеке?»

- Какой-нибудь камушек, - ответила я, отводя взгляд в сторону. Передо мной плыли высоченные и бесконечные горы Кавказа. Горы-разлучницы.

Тим вернулся к кровати, подхватил рюкзак и огляделся, проверяя, не забыл ли чего. Он не торопился, и это было приятно. Будто не так просто оставить меня и уехать в далекие края...

- Месяц пролетит быстро, - произнес Тим.

- Ага, - согласилась я. - Счастливого пути.

Мне вдруг захотелось сбежать, спрятаться, скрыться! Слишком тяжелый выдался день. Я гнала прочь воспоминания о расставании с Павлом, но сердце

еще всхлипывало и вздрагивало, хотя почти не болело – что-то оборвалось. Раз и навсегда.

Я поняла: это хорошо, пусть Тим сейчас уезжает, моя душа должна его ждать. Она должна надеяться, скучать, верить. Столько, сколько нужно.

– Счастливого пути, – уверенно повторила я и протянула руку, как год назад, когда мы договаривались сходить в кафе и поесть мороженого.

– Счастливо оставаться, – весело поддержал Тим, подошел и пожал мою руку.

Мы обменялись теплом и быстрыми взглядами.

Месяц – это, по сути, не так уж и долго...

Глава 2

«Анастасия, образумься!», или Казнить, нельзя помиловать

Аппетита не было. Я сидела за столом, ссутулившись, ковыряя вилкой то омлет, то скромную горочку порезанных соломкой огурцов. Я бы вообще не спускалась к завтраку, но бабушка объявила день нервным и велела мне находиться поблизости. Не знаю, чем я могла ее утешить, мне казалось, что я способна вызывать только раздражение. Нет, в груди не ныла грусть, и тоска не водила хороводы, наоборот, вчерашний день сделал меня сильнее и увереннее, но физически я почему-то ослабла. Наверное, перерождалась.

– Ты напрасно игнорируешь нож, Анастасия, – назидательно произнесла Эдита Павловна. – Мы с тобой неоднократно говорили о культуре поведения за столом, но ты упрямисься...

Да, я упрямылась.

– Омлет вполне можно разломать вилкой, – ответила я.

– Ты мало ешь. Почему? Ты расстроена? Это связано с Павлом? – Бабушка положила вилку, нож и вопросительно посмотрела на меня. – Мне звонила Маша, Мария Александровна...

– Речь о Павле Акимове? – влезла в разговор Валерия. – Вы встречаетесь? И когда ты только успела?.. Мать рассказывала отцу, но я ничего не поняла!

Недовольство на лице моей двоюродной сестры смешалось с досадой. Я бы ни за что не назвала ее влюбчивой, но Лера относилась к противоположному полу с неиссякаемым интересом. И в сторону Тима она тоже поглядывала. Даже более того, однажды (а может, это случилось и не раз) она ночью поднялась в его комнату, но, насколько я поняла, дальше порога ее не пустили, и дверь захлопнулась прямо перед ее носом. Для меня это было бессовестно-приятное воспоминание: я не хотела, чтобы Тим и Валерия... чтобы у него было к ней какое-нибудь особое чувство... Например, страсть. Я уж не говорю о большем.

– Анастасия, пойдем со мной, – четко произнесла Эдита Павловна, проигнорировав восклицание Леры. Она встала из-за стола, дотронулась до тяжелых коралловых бус, покоившихся на ее груди, опустила руку и строго посмотрела на меня. Бабушка не любила откладывать решение важных вопросов на потом, да и я не собиралась темнить. Лучше рассказать обо всем сразу и поставить точку.

История повторялась: прошлый раз, чтобы поговорить о мужчинах и подобрать мне мужа, Эдита Павловна выдернула меня с ужина, а теперь – с завтрака.

– Замечательно, – фыркнула Лера и откинулась на высокую спинку стула. Ее карие глаза блеснули, губы сжались.

Она не терпела, когда внимание бабушки доставалось мне, находя в этом несправедливость и ущемление прав любимой внучки (так Лера себя называла). О, с какой бы радостью я превратилась в привидение и жила спокойно и весело в самой дальней комнате дома, но, увы, Эдита Павловна возлагала на меня большие надежды, а хуже ничего и быть не может...

– Вчера у нас с тобой состоялся неприятный разговор, – начала бабушка, поднимаясь по ступенькам. Я следовала за ней, старательно пропуская мимо ушей каждое второе слово, но не очень-то получалось.... – Я не хочу, чтобы

между нами существовало недопонимание... Мне казалось... Обиды с твоей стороны нелепы и смешны...

Эдита Павловна зашла в комнату, остановилась около стола, развернулась, сцепила перед собой руки и чуть приподняла голову. Ее осанка, как всегда, была царственной, длинные седые волосы уложены пышно и закреплены сзади, зелено-коричневые глаза смотрели строго и выжидающе щурились. На правую сторону лица падала тень от шторы, отчего морщины становились заметнее.

Я заняла привычное место напротив, выпрямила спину, тоже сцепила руки перед собой и замерла, ожидая допроса с пристрастием, неминуемого «Ты не смеешь так поступать!» и своего непокорного «Я уже так поступила». Нелегко быть твердой, как скала, когда Эдита Павловна Ланье сверлит тебя грозным взглядом, но я собрала мужество в кулак, бесшумно вздохнула и приготовилась отстаивать свои позиции.

– Ты еще мала, Анастасия, – резко произнесла бабушка, – тебе всего восемнадцать лет. Именно поэтому ты должна с большим вниманием относиться к моим словам и уважать мое мнение. Вспоминать вчерашний вечер мы больше не будем. А теперь я хочу поговорить с тобой о Павле. Мне кажется или между вами что-то произошло? Мария Александровна в недоумении. В любом случае вы общались недостаточно... Рано делать какие-то выводы.

Интуиция Эдиты Павловны не знала покоя и, видимо, никогда не дремала, давая возможность всем и каждому творить что угодно.

«Интересно, кому-нибудь в наше время бабушки выбирают будущих мужей или это только мне так повезло?»

– Я не буду больше встречаться с Павлом, – произнесла я спокойно, хотя по спине пробежала волна неприятных мурашек.

– Та-а-ак. Я чувствовала, сегодняшней день станет отвратительным, но не предполагала, что его испортишь ты, Анастасия. – Эдита Павловна мягко улыбнулась: – Пока речь идет лишь о вашем общении, а ты торопишься и воображаешь невесть что. Да, я бы обрадовалась, если бы в дальнейшем...

– Я не буду больше встречаться с Павлом, – повторила я и качнулась на пятках (это всегда выдавало мое волнение). Эх, а я-то собиралась оставаться хладнокровной до конца!

– Мы сейчас с тобой говорим не о каком-то проходимце, – ровные брови бабушки встретились на переносице, – мы с тобой говорим о молодом человеке из хорошей семьи. Ты ведешь себя недопустимо.

– Мы слишком разные.

– Это не имеет значения! То есть... Вы пока мало знаете друг друга.

– Нет.

«О, моя твердость, хвала тебе! Спасибо, колени, что не дрожите, спасибо, глаза, что смотрите прямо, спасибо, сердце, что не останавливаешься, спасибо, желудок, что не урчишь и не выплевываешь омлет!»

– Я не желаю ничего слушать, – категорично махнула рукой бабушка, и перстень с кровавым кораллом описал полукруг. – Я дружна с этой семьей, а значит, и ты будешь вести себя соответственно. В конце концов, я не прошу ничего сверхъестественного. Поддерживать нормальные отношения с достойными людьми – это то, чем тебе предстоит заниматься всю оставшуюся жизнь. – Эдита Павловна подняла указательный палец и, считая лекцию законченной, а требования принятыми, добавила: – Надеюсь, ты меня поняла.

«Тим, зачем же ты уехал? Зачем оставил меня одну?»

– Так случилось, что я небезупречна, – с удивлением услышала я свой голос. Росток силы в душе дернулся раз, дернулся два, дернулся три – и превратился в тонкое молодое дерево, которое ветер может лишь сгибать ненадолго, но никогда не ломает. Вчера что-то оборвалось, а что-то стало крепче. – Я сама должна решать, с кем мне общаться, а с кем нет. Это мое право, и я от него не откажусь.

Воцарилась тишина, затем на лице Эдиты Павловны появилась растерянность (не виданная мной ранее), затем ее щеки порозовели, подбородок дрогнул, и

каждый квадратный сантиметр комнаты наполнился негодованием.

– Анастасия, образумься!

Так как добавить к сказанному мне было нечего, я стояла и молчала. То ли перерождение вступало в следующую фазу, то ли разговор оказался слишком острым, то ли омлету все же не нравилось в моем желудке, а только перед глазами поплыли сначала круги, затем стол с вазой, потом массивный стул, темно-коричневый шкаф, широкая кровать... Но падать в обморок я не собиралась (я попросту не умела этого делать), и, представив, как подгибаются ноги, а тело превращается в тонкий и длинный мешочек с сеном, из груди вылетает не то хрип, не то стон и пол плавно приближается, я сфокусировала взгляд на бабушке, вздернула подбородок и выдохнула. Слабость мгновенно ушла. Вот что значит правильный боевой настрой!

– Ты свободна, ступай, – совершенно спокойно произнесла Эдита Павловна, и морщины на ее лице разгладились. Подойдя к окну, она отодвинула штору, посмотрела на двор и, не оборачиваясь, прибавила: – Когда вернется Нина, скажи ей, чтобы позвонила Брилю. Пусть приедет сейчас. И никакие «Я занят, буду во второй половине дня» не принимаются.

– Хорошо, – ответила я и пулей вылетела из комнаты. Без сомнений, бабушка не приняла мою позицию, но кто же откажется от передышки? Я, во всяком случае, не собиралась этого делать.

Нина Филипповна вернулась с рынка минут через пятнадцать, я передала ей просьбу (прозвучавшую как приказ) и отправилась в библиотеку, где меня стали мучить угрызения совести. С одной стороны, бабушка вызвала врача потому, что день для нее выдался нервным, а с другой... Возможно, и я стала причиной его визита.

«Довела любимую бабушку, – едко проскрипела совесть. – Кхе, кхе...»

Ну, или таким образом на меня хотели хорошенько надавить, на всякий случай.

От Эдиты Павловны я могла ожидать чего угодно, поэтому тяжело вздохнула, взяла с полки первую попавшуюся книгу, села за овальный столик и подперла щеку кулаком.

- Тим, возвращайся... - прошептала я, надеясь, что слова преодолеют расстояние и долетят до адресата. Он услышит, почувствует и вернется!

Бабушкиного врача я видела один раз во время зимних каникул, и, хотя пересеклись мы всего минут на пять, он оставил в памяти неизгладимое впечатление. Лев Александрович Бриль - высокий, огромный, шумный. Все в его внешности было странным и заметным и удивительно гармонировало между собой: короткие иссиня-черные волосы, крупный нос, близко посаженные глаза, квадратный подбородок, большие уши, мощная шея. Бриль производил впечатление злодея, пришедшего не для того, чтобы вылечить, а для того, чтобы утащить очередную жертву на тот свет. Между тем от него исходила добрая энергия, в лучах которой хотелось погреться.

- Лев Александрович, и вы, пожалуйста, тоже приезжайте побыстрее...

Посидеть в одиночестве у меня не получилось - дверь приоткрылась, и в библиотеку вплыла Валерия. По ее выражению лица я поняла, что меня ожидает килограмм язвительных замечаний и грамм триста раздражения, то есть ничего хорошего.

После завтрака сестра привела себя в порядок: нарядилась, сменила джинсы и футболку на короткое голубое платье, взбила прямые черные волосы, отчего прическа стала гораздо объемнее. Она выглядела хорошенькой, а милая улыбка, которой не стоило доверять, прятала истинное отношение ко мне.

- Значит, ты закрутила с Акимовым, да? - нараспев спросила Лера, проходя мимо стеллажа с книгами. Проведя пальцем по полке, она сморщила острый нос и усмехнулась.

Я уверена, никакой пыли Лера не обнаружила, но ей нравилось подражать матери и выискивать минусы даже там, где их нет.

- Это не так, - равнодушно ответила я и перевернула страницу.

- То есть он тебе не нравится?

- Не нравится.

- Ты врешь! - Лера резко развернулась и испытующе посмотрела на меня.

- Ни капельки.

«Если бы ты спросила меня об этом вчера утром...»

- Ты сумасшедшая? - Правая бровь двоюродной сестры медленно поползла на лоб. Да, наверное, легче было поверить в мое безумие, чем в то, что Павел Акимов может не нравиться. - Уверена, бабушка преподнесла тебе его на блюдечке с голубой каемочкой, но ты и тут решила продемонстрировать свою оригинальность! А чем он тебе не нравится, а? - Лера подошла ближе и уперла руки в бока. - От него не пахнет коровами и сеном? Он не курит папиросы и не пьет самогон?

Мое деревенское прошлое не давало ей покоя, но я уже привыкла к подобным намекам, поэтому, как пишут в приключенческих романах, ни один мускул не дрогнул на моем лице.

- Я не собираюсь обсуждать это с тобой, - важно ответила я и захлопнула книгу.

- Ну и пожалуйста, - Лера дернула плечом. - Зна-а-ачи-и-ит, - она растянула слово, - ты не будешь против, если я стану с ним встречаться? Впрочем, я не собираюсь спрашивать у тебя разрешения. Даже если между вами что-то и есть, я уведу его у тебя. Ясно? - Теперь Лера скрестила руки на груди и на миг стала похожа на бабушку.

- Мне все равно, - произнесла я. Поднялась и подошла к полкам. Но теперь я лгала. Остатки боли, чувство собственности и треклятая ревность заерзали в душе и потребовали внимания. «Я сказала «прощай», нельзя забывать об этом», - напомнила я себе, и стало легче.

- Вообще, мне кажется, что со временем ты превратишься в старую деву, - задумчиво выдала Лера. - Лицо у тебя, конечно, ничего, но в целом ты похожа на... на...

- Инопланетянина и богомола, - подсказала я.

– Нет, ты похожа на неудачницу!

В этот момент до меня донесся спасительный громopodobный голос Льва Александровича Бриля. Я должна была успокоить совесть, поэтому, проигнорировав выпад Леры, бросила: «Мне надо идти» – и покинула библиотеку, чем лишний раз подтвердила выдвинутое обвинение. Вряд ли кто-нибудь из друзей моей двоюродной сестры снес бы подобное оскорбление.

Я свернула к комнате бабушки и буквально налетела на Льва Александровича. Со стороны это, наверное, выглядело так: воробей на полной скорости врезался в слона!

– Ой, извините! – воскликнула я и отскочила.

Бриль чуть наклонился, повел черными кустистыми бровями и серьезно спросил:

– Анастасия, не так ли? Ни за что бы не поверил, что такое юное очаровательное создание способно убить родную бабушку. Чужую – ладно, но свою... – Лев Александрович достал из нагрудного кармана голубой медицинской рубашки очки с толстой роговой оправой, нацепил их на нос и посмотрел на меня. Мы перестали быть воробьем и слонем, я превратилась в муравья, а он – в энтомолога с огромной лупой в руках. – Бабушка бегаёт по Москве, ищет тебе достойного мужа, а ты нос воротишь. Не стыдно?

Голос Льва Александровича был сердитым, и я от волнения растерялась.

– Скажите, пожалуйста, как чувствует себя Эдита Павловна? – наконец задала я нужный вопрос.

– Я частенько бываю в моргах, моя милая, и вот что тебе скажу... – Бриль помолчал немного и продолжил: – Честно говоря, мне не знаком ни один труп, который сейчас бы не позавидовал твоей драгоценной бабушке. – Его губы медленно растянулись в улыбку, а глаза за толстыми стеклами блеснули лукаво и хитро. Лев Александрович наклонился и шепнул: – Не волнуйся, эту трагедию твоя бабушка переживет. И еще двести таких трагедий тоже.

– Спасибо. – Я улыбнулась в ответ и подавила неожиданное желание подпрыгнуть и повиснуть на шее этого великана. Уж в следующий раз я буду готова к его шуткам!

Бриль выпрямился, подмигнул мне и непринужденно направился к лестнице. А я смотрела ему вслед, недоумевала и одновременно понимала, почему Эдита Павловна не откажется от услуг этого необычного врача. Да, Лев Александрович не был человеком, которого можно испугать фамилией Ланье, в нем не было угодливости и послушания (что так ценила бабушка), но он нес жизнь, и совершенно не верилось, что рядом с ним кто-нибудь когда-нибудь может умереть. И ради этой иллюзии бессмертия бабушка, да и многие другие были готовы терпеть громоподобного Льва Александровича Бриля целую вечность.

Если бы я работала журналистом и мне бы предстояло наспех поделиться своими впечатлениями с диктофоном, я бы начала рассказ так: «В этом доме иногда бывают нормальные люди...»

Впрочем, нельзя забывать о моей тете Нине Филипповне. Она всегда была очень добра ко мне, и я чувствовала: мое деревенское прошлое и сходство с мамой ее ничуть не смущают и не нервируют. Она и внешне отличалась от Эдиты Павловны, Карины Филипповны и Валерии, а уж сравнивать ее с моим дядей, Семеном Германовичем Чердынцевым, казалось вообще невозможным и глупым.

В Нине Филипповне не было высокомерия, снобизма, едкой насмешливости и многого другого, чем давным-давно пропитались стены этого дома. И именно поэтому, увы, моя бабушка не гордилась своей младшей дочерью (впрочем, старшей, по-моему, тоже) – слишком незаметна для фамилии Ланье. Нина Филипповна не стремилась блистать в обществе, ее мало интересовал Ювелирный дом, она занималась хозяйством и работала у Эдиты Павловны вечным помощником-секретарем.

А Карина Филипповна являлась ее полной противоположностью – яркая, эффектная владелица глянцевого журнала «Цвет стиля», вечно пропадающая на светских мероприятиях, любящая только себя... При знакомстве Карина Филипповна сразу потребовала называть ее Корой, и я довольно быстро привыкла, потому что это имя ассоциируется со словом «кобра»...

Справа раздалось шуршание, и я обернулась. Около большого глиняного горшка с сочной зеленой пальмой стояла Нина Филипповна и тоже смотрела вслед Льву Александровичу Брилю.

* * *

Ближе к ужину я уютно устроилась на кровати с телефоном. Набрала сначала номер Симки, затем Кати, а потом Тани. С девчонками я подружилась в частной школе и теперь скучала и мечтала поболтать хотя бы с кем-то из них. Я никогда не рассказывала им о Павле и сейчас радовалась этому (что-то объяснять и отвечать на вопросы я совершенно не хотела, да и не могла, пусть уж совсем отболит, а уж тогда...).

Сима, Катя, Таня... Мы разные, но три года назад нас объединило одиночество: мои мама и папа погибли в автокатастрофе, а родители девчонок работали день и ночь, и, как шутила Симка, приходилось записываться на прием заранее, чтобы их увидеть («Причем помощник отца все равно обойдет меня на повороте и пролезет вперед!»).

Но меня ждало разочарование – подруги разъехались кто куда, и я трижды услышала одно и то же: «Позвоните позже, в июле». Не успела я положить трубку на тумбочку, как раздался звонок, и в душе появилось холодное предчувствие.

– Привет... Нам необходимо поговорить. – Голос Павла был тихим и грустным.

Но я больше не нуждалась в словах.

– Вряд ли...

– Я люблю тебя. Особенно такую, как сейчас... Почему ты не хочешь понять... Я не могу поступать предательски по отношению к своей семье.

– А по отношению ко мне можешь?

– Настя, дело во многих вещах. Ты еще не забыла прежнюю жизнь, но здесь все иначе...

– Мы слишком разные, вот и все, – спокойно произнесла я, прячась за стандартную фразу, но, не удержавшись, добавила: – Твоя любовь слишком избирательна, а я хочу, чтобы человек, которому я готова отдать всю себя, за которым пойду в огонь и в воду, не стыдился меня, даже если вдруг окажется, что на моей ноге вовсе не хрустальная туфелька, а лапоть. Понятно?! – Нервы не выдержали напряжения, и вопрос я выкрикнула (вернее, это сделала за меня вселенская обида).

– Ты так говоришь, – тяжело вздохнул Павел, – потому что никогда не была на моем месте. Тебе не приходилось делать выбор, учитывая многие обстоятельства. Ты – Ланье. Подумай об этом. Не нужно меня судить сейчас, уверен, завтра или послезавтра ты иначе посмотришь на ситуацию. Ничего не поделаешь, люди делятся на тех, у кого есть достаток, и на тех, у кого его нет, и глупо отрицать, что это не влияет на чувства и отношения.

– Я не хочу это слушать!

– Настя, я люблю тебя. Мы должны встретиться...

– Но я больше не люблю тебя, извини... Прощай, – ответила я и нажала кнопку.

«Не нужно меня любить, Павел. Так любить не нужно...»

В столовой сидела Нина Филипповна. Она пила чай и делала пометки в пухлом ежедневнике. Один взгляд на нее успокаивал: длинные каштановые волосы, частично собранные на затылке, глаза цвета корицы (глубокие, внимательные), прямой нос, бледно-розовые губы, покрытые лишь блеском, тонкие руки, как у пианистки (почему-то мне подумалось, что у всех пианисток должны быть именно такие). Из украшений – лишь круглый плоский медальон на серебряной цепочке и маленькие сережки с коричневыми камушками.

– Как у тебя дела? – оторвавшись от записей, с мягкой улыбкой спросила она.

– Так себе, – честно ответила я.

– Дела сердечные... – щеки Нины Филипповны порозовели. – Я понимаю. Но ты не расстраивайся, все образуется.

– В общем-то, уже образовалось, потому что я начала новую жизнь, – усаживаясь напротив, ответила я. И моей твердости в тот момент позавидовала бы даже бабушка.

Слова Павла оставили неприятный осадок в душе. Мысли-пчелы кружили в голове и жужжали: «Он считает, будто вжившись в почетную роль наследницы Ланье, я и сама на многое стану смотреть иначе. Нет, я не предаю. Никогда. И если мне придется выбирать, я не струшу».

– Ты молодец, – кивнула Нина Филипповна. – Я бы так не смогла.

Вновь улыбнувшись, но теперь чуть грустно, она сделала глоток чая.

– Наверное, уже все наслышаны о моем... м-м-м... плохом поведении. – Я подперла щеку кулаком. – Хотя я ничего особенного не сделала.

– Ты сказала «нет», а это слово не так часто звучит в стенах нашего дома, – объяснила Нина Филипповна. – Но мама уже не сердится, потому что... – Она замолчала и бросила на меня быстрый взгляд.

– Потому что считает, что все равно будет так, как она скажет. Да?

– Приблизительно.

– А как считаете вы?

– Ты должна решить сама, с кем тебе встречаться, а с кем нет, – Нина Филипповна положила ручку на стол и посмотрела на меня участливо. – Все это очень сложно...

Я чуть подалась вперед и сдержала вопрос, вертевшийся на языке: «А вы когда-нибудь любили по-настоящему?» Мне хотелось услышать подробную историю с хороводом чувств, сомнениями, отчаянием и обязательно со счастливым концом. Но, во-первых, мой вопрос никак нельзя было считать тактичным, а во-вторых, конец истории не мог быть счастливым, потому что моя тетя не выходила замуж и ни с кем сейчас (да возможно, и никогда) не встречалась. Кора изредка поддевала сестру на эту тему, но Нина Филипповна лишь молчала в ответ...

«Я понимаю, все это очень сложно...»

– А вы знаете, что меня ждет завтра? – спросила я, наклонив голову набок, и хитро прищурилась.

Нина Филипповна неторопливо поднялась, в одну руку взяла чашку, другой прижала ежедневник к груди и ответила заговорщицки, почти шепотом:

– Завтра приедет мать Павла, но учти: я тебе ничего не говорила.

Глава 3

Я продолжаю бороться за свою свободу, а также скрещиваю шпаги с врагом семьи Ланье

Мать Павла Мария Александровна всегда казалась мне очень красивой женщиной, при знакомстве я даже мысленно подобрала ей имена: Илона или Элоиза. Смешно... Я просто не могла представить, что у этой высокой блондинки с внешностью киноактрисы может оказаться рядовое имя. Теперь же, встретившись с ней взглядом, я давала ей другие имена, например Горгона, и испытывала при этом весьма недобрые чувства. Чего стоила моя вредность! А дух противоречия? Об этом духе последние дни я вообще не успевала забывать – он постоянно ерзал в душе и держал меня в состоянии непокоя. Он был моим союзником...

Чайный столик накрыли на три персоны, что говорило только об одном: откладывать свои стратегические планы в долгий ящик Эдита Павловна не собирается. Пока я (в ее понимании) нахожусь одной ногой там (в пучине вседозволенности), а другой ногой здесь (на правильном берегу послушания), нужно торопиться. Но благодаря Нине Филипповне я заранее настроилась на бой и собиралась ловко отбивать любые удары, сохраняя при этом достоинство и хладнокровие. О, стреляйте в меня, стреляйте! Вот флаг свободы, развевающийся над моей головой (уже изрешеченный пулями), вот полосы тельняшки, а вот и моя грудь... Стреляйте!

Иногда, чтобы пережить темную полосу, нужно вывернуть ситуацию наизнанку, отделиться от собственного тела, взмыться к потолку и начать наблюдать за происходящим со стороны. Жизнь с тетей Томой научила меня многому, особенно терпению и способности не унывать, даже если вся деревенская общественность, включая участкового, ополчилась против, вооружилась вилами и идет в сторону нашего дома. «Спасибо, тетя Тома», – мысленно поблагодарила я.

– Жара не спадает... Хорошо бы зарядили дожди, – Эдита Павловна скользнула равнодушным взглядом по тарелке с ароматным лимонным печеньем и положила левую руку на подлокотник кресла. – Дела идут хорошо. В прошлом месяце я открыла новый салон в Праге, он меня несколько беспокоил, но публика довольно быстро сориентировалась, потому что Ланье – это качество, стиль и высокая планка. И это на все времена.

– Абсолютно с вами согласна, – произнесла Мария Александровна и сдержанно улыбнулась.

– И я тоже согласна, – вклинилась я в разговор лишь потому, что за двадцать минут чаепития не проронила ни слова, а уже было пора произнести несколько дежурных фраз.

Я сидела ровно, положив руки на колени, излучая доброжелательность и учтивость, чем наверняка сбивала с толку и бабушку, и Марию Александровну. Они одновременно повернули головы ко мне, но я потупила взор и принялась рассматривать кружева на белоснежной скатерти. «Скорей бы это закончилось, скорей бы...»

– Чем ты собираешься заниматься в ближайшее время? – небрежно поинтересовалась Эдита Павловна.

– Хочу встретиться со своими подругами из частной школы, – соврала я, специально уточнив, из какой именно школы. Бабушка могла предположить, будто меня опять зовет в свои объятия деревня, а мне совсем не хотелось, чтобы она поперхнулась чаем, вновь вызвала Льва Александровича Бриля и моя совесть затем опять издавала противное «кхе-кхе».

– Это правильно, – одобрила Эдита Павловна (про себя она наверняка подчеркнула, что девочки из частной школы принадлежат к сливкам общества, а значит, не опасны: не научат меня распевать частушки, щелкать семечки и доить коров). – Я оставлю вас на минутку, – сказала она, поднимаясь. – Лев мне прописал лекарства, и я должна принимать их каждые два часа.

Ход конем. Меня, точно лакомый кусочек мяса, бросили в клетку к тигрице. На перевоспитание.

«До чего же кружева на скатерти интересные... – мысленно протянула я, считая дырочки и завитки. – Один, два, три...»

Что можно было поделаться со шkodливым настроением? Пожалуй, ничего.

Мария Александровна выдержала паузу, затем поправила светлые волосы, тряхнула головой и начала с главного:

– Анастасия, я знаю, между тобой и Павлом произошла ссора. Он мне доверяет и рассказал обо всем. Хочу сказать сразу, я горжусь своим сыном и считаю, что ты слишком торопишься. Да, ранее я была против вашего общения, и на то были веские причины...

– Какие? – перебила я, кукольно распахнув глаза.

Думаю, Мария Александровна с удовольствием бы убила меня в ближайшую минуту, как-нибудь элегантно, по-женски, например, подсыпала яда в чашку... Я опасливо покосилась на свой чай, но потом пришла к утешительному выводу, что бояться нечего – живая я представляла собой огромную ценность (вернее, не я, а богатство семьи Ланье, частично громяющее за мной в качестве приданого). И, соответственно, меня нужно беречь, а не лишать жизни. Уф.

– Когда у тебя будет сын, ты меня поймешь, – высокомерно произнесла Мария Александровна, и ее глаза холодно блеснули.

Запахи отчего-то обострились, я вдохнула терпкость лимона, пряность мяты, своеобразие бергамота... О, она ненавидела меня и при этом уговаривала продолжить отношения с Павлом! «Не представляю, чтоб однажды я навязывала

своему сыну девушку, которая мне не нравится, и поступала я так потому, что она из обеспеченной семьи».

– Надеюсь, сын у меня скоро появится, – ответила я, запоздало сообразив, что мои слова будут истолкованы неправильно.

– Что?! – раздалось в ответ, и чашка звякнула о блюдец.

– Нет, вы меня не так поняли! – замотала я головой. – Я в том смысле, что люблю детей и когда-нибудь...

– Понятно, – выдохнула Мария Александровна, ожидавшая от меня какой-нибудь катастрофы. Взяв с края стола салфетку, она обмахнулась ею, положила на место и вновь превратилась в фарфоровую статую. – Ты должна встретиться с Павлом. Ты должна с ним поговорить. Об этом я тебя прошу как мать.

Все это вовсе не походило на просьбу: теперь Мария Александровна была категорична и строга, видимо, терпение подошло к концу, а желание немедленно получить хоть какой-нибудь результат добавило раздражения.

Я превратилась в улитку, спряталась в домик и стала мечтать о побеге. Немедленном, успешном. Но напольные часы тикали, точно говорили: «Нельзя, надо выдержать, именно в этом – победа».

Представив, как бабушка марширует по столовой туда-сюда, давая нам возможность поговорить, я сдержала улыбку. Все же я входила во вкус спектакля под названием «Жизнь в доме Ланье» и, кажется, уже была отравлена аплодисментами. Ну, можно же аплодировать самой себе?

– Павел сегодня звонил и просил о том же, но я отказала. Наши отношения закончились.

Невозможно пить лекарство так долго – наступило время вернуться бабушке. Эдита Павловна плыла к нам со спокойным выражением лица, но ее глаза вопросительно блестели, выдавая нетерпение. Видимо, Мария Александровна подала какой-то знак, потому что бабушка поджала губы и опустилась в любимое кресло быстро и недовольно.

– Какая невыносимо гадкая микстура, – произнесла она и убила меня взглядом.

* * *

Неделя прошла спокойно (если не считать бабушкиного подчеркнуто-сдержанного отношения ко мне). Кора с мужем уехали отдыхать на какие-то далекие полуострова, оставив обиженную Леру дома.

«Мне совершенно не до тебя», – проворчал перед отъездом Семен Германович, и моя двоюродная сестра после этого кричала о несправедливости почти целый час. Я сидела в кресле на первом этаже со стопкой журналов в обнимку и с интересом слушала Лерины витиеватые восклицания об эгоизме родителей, алкоголизме молодого поколения («потому что мы никому не нужны!») и о возросшем проценте самоубийств среди молодежи. Но Кора с задумчивой улыбкой на лице игнорировала выпады дочери – мысленно она уже стояла на песчаном берегу в умопомрачительном купальнике и взирала на изумрудную гладь океана.

Страдания Леры и меня оставили безучастной: я не испытывала к ней добрых чувств, и капризы, перемешанные со злостью, пролетали мимо, точно невесомый тополиный пух или зонтики одуванчика. Но, конечно, лучше бы она уехала...

Днем в субботу ко мне пришла бабушка. Она только что вернулась из центрального офиса Ювелирного дома и пребывала в редком для себя благодушном настроении. Ее глаза светились, искренняя улыбка не сходила с лица, румянец смягчал морщины, а прямое платье оливкового цвета с рукавами три четверти подчеркивало аристократизм и вкус. Эдита Павловна практически не появлялась в моей комнате, поэтому я с нетерпением ждала, когда узнаю причину ее визита.

Для начала бабушка поинтересовалась моими делами, спросила, какую книгу я читаю, выказала легкое недовольство по поводу журнального столика, якобы стоявшего не на том месте, а затем повернулась ко мне и произнесла:

– Через два часа нас ждут в галерее «Дюма». Пожалуйста, поторопись, тебе необходимо привести себя в порядок.

Планов на вечер у меня не было, поэтому я сказала «хорошо» и автоматически посмотрела на часы. Я не слишком любила подобные мероприятия (много обнимаются, прикладывают друг к другу напудренные щеки и восклицают: «О, дорогая, здравствуй!»), но иногда удавалось посмотреть действительно хорошие картины или покрутиться около статуэток и антиквариата. Наверное, я всегда была единственной приглашенной, равнодушно относящейся к закускам, шампанскому и светской беседе, зато живо интересующейся окружающим искусством. А чем еще может заниматься далеко не светский человек в галереях?

– Нужно решить, в чем ты поедешь. – Бабушка распахнула шкаф, склонила голову набок и, потратив минуту на придирчивое изучение моего богатства, сняла вешалку с бледно-серым платьем, оживленным на поясе серебристой ниткой. – Надень это, – произнесла Эдита Павловна, отправляя платье на спинку стула.

– Я лучше надену синее.

– К синему, Анастасия, не подойдут изумруды, – усмехнулась Эдита Павловна. Она вышла из комнаты и вскоре вернулась с черным бархатным футляром в руках. Открыла его, и продемонстрировала ожерелье, некогда принадлежавшее Екатерине Второй, а уж потом, через много лет – Ювелирному дому Ланье и моей маме.

Я скучала по нему... Вспомнилось, как, приподняв подушку, я впервые его увидела, как ломала голову, откуда оно взялось, как прятала от тети Томи за подкладку старенького полупальто...

Да, я надену его и поеду в галерею. И пусть за спиной раздастся: «Посмотрите, еще одна Ланье». Это ожерелье носила мама, и значит, оно все еще хранит ее тепло...

– Анастасия, – мягко произнесла Эдита Павловна. – Ты когда-нибудь научишься говорить «спасибо»? Носить символ Дома Ланье – это честь, не забывай об этом.

– Угу, – ответила я.

Уже около двери она обернулась и, приподняв правую бровь, спросила:

– А почему ты не сказала мне, что знаешь Павла давным-давно и что между вами были отношения вовсе не дружеского характера?

Так вот почему бабушка находилась в столь благодушном настроении! Мария Александровна выдала ей всю правду, и наша история приобрела совсем другой оттенок. Из практически посторонних людей, соединенных договором, мы превратились в уже состоявшуюся пару. А старая любовь, как говорится, не ржавеет... «Они просто поссорились, вот и все. Помирятся! Никуда не денутся! Обычное дело: притираются после разлуки», – приблизительно так думала бабушка. Она, наверное, очень удивилась, узнав, как развивались наши отношения. Я выбрала того, кого наметила мне и она. «Ланье, она бесспорно Ланье», – наверняка еще мысленно добавила Эдита Павловна, кивнула в такт выводам и победно улыбнулась.

Поборов в себе острое желание гордо вздернуть подбородок и соврать: «Это ложь, ранее мы никогда не встречались», я пожала плечами. Но бабушке ответ и не требовался; она лишь хотела поставить меня перед фактом – ей все известно.

– Жду тебя через час внизу, – произнесла она и вышла из комнаты.

– Я своего решения не изменю, – тихо, но твердо произнесла я. Память понесла меня в прошлое, но странно: фигуры оказались размытыми, тени бледными, а слова неразборчивыми. Все замелькало и остановилось. Теперь я видела лишь Тима: вот он приехал в частную школу с гостинцами, вот еще раз приехал, вот мы едим мороженое, а вот он говорит, что месяц пролетит быстро...

Легкость и уверенность вернулись в мою душу.

* * *

Я собралась довольно быстро: надела платье и ожерелье, расчесала волосы, нанесла немного розового блеска на губы. Изумруды и бриллианты не сверкали вызывающе, и мне это очень нравилось, они даже казались тусклыми, будто погасли специально, скрывая тайну нашего знакомства. Но я знала: стоит оказаться в людном месте, и они вспыхнут, демонстрируя свою силу.

Бабушке потребовалось гораздо больше времени. Распорядившись, чтобы ей принесли чай в комнату, она долго разговаривала с кем-то по телефону. По пути в кухню я слышала ее бодрые восклицания и трескучий смех. «Пожалуй, успею съесть бутерброд, – решила я. – Главное – не заляпать чем-нибудь платье».

– Вы куда? – раздался голос Леры, когда я уже спустилась на первый этаж.

– В галерею «Дюма», – ответила я, задрав голову.

– Я с вами! По чертовому ящику ничего не показывают! – Она махнула телевизионным пультом и вдруг замерла с недоверчивым выражением лица. – На тебе ожерелье?.. – Быстро пробежав по ступенькам вниз, Валерия остановилась рядом со мной. – На тебе ожерелье? – повторила она. – Кто бы сомневался! Ты везде пролезешь без мыла!

– Бабушка дала, – просто и честно сообщила я.

– Конечно. С тех пор как ты вернулась, все идет наперекосяк. И почему тебя нельзя отправить на Луну? Или обратно в деревню... пасти коров! – Глаза Валерии блеснули, но она взяла себя в руки, высокомерно оглядела меня с головы до ног и скривилась: – Платье совершенно дурацкое, ты бы еще саван надела.

– Его не было в моем шкафу.

– Бабушка! – Лера развернулась и теперь понеслась по лестнице вверх. – Бабушка! Я еду с вами! А еще... а еще... мне нужно с тобой поговорить! Это нечестно!

Не нужно было обладать особой сообразительностью, чтобы понять, чего она потребует: ожерелье немедленно должны снять с меня и отдать ей. Я даже представила, как моя двоюродная сестра с победной улыбкой держит его в руках, приподнимает и надевает. Дотрагивается кончиками пальцев до камней и едко произносит: «Ну что, съела? Чья взяла?»

Если бы не память о маме, я бы к этому отнеслась легко – у меня вообще никогда не было желания носить дорогие украшения, без них я чувствовала себя гораздо

комфортнее.

«Нет, бабушка ее не послушает», – подумала я.

Эдита Павловна хоть и не удовлетворила выдвинутое требование, но решила вопрос мудро и дипломатично. Когда Валерия с небольшим опозданием спустилась в зал, на ней было надето умопомрачительное платье цвета чайной розы, а в ушах и на шее сверкали бриллианты.

– Ты очень красивая, моя дорогая, – ровно произнесла Эдита Павловна и обменялась с Лерой довольными взглядами.

– Конечно, красивая! Ты же мне когда-нибудь подаришь этот наборчик?

– Этот «наборчик», – улыбнулась бабушка, – стоит целое состояние. Но он будет твоим. Позже. Когда ты окрепнешь.

Полагаю, в большинстве случаев Эдита Павловна держала свое слово – моя двоюродная сестра буквально вспорхнула и полетела к двери.

– А ожерелье Ланье я надену в следующий раз, понятно? – шепнула Лера, когда мы уселись в машине на задних сиденьях.

Она действительно была хороша и в отличие от меня уверена в своей женской красоте и притягательности. За счет косметики и украшений Лера выглядела старше лет на пять и выигрывала еще и этим. Не знаю, отчего я стала нас сравнивать, может, оттого, что мне вдруг показалось, будто мы соперницы. Но почему так? Вроде никого делить мы не собирались. Павел? Нет. Он с каждой минутой все отдалялся и отдалялся... Он становился чужим.

Посмотрев на водителя, я тихо вздохнула. Если бы нас вез Тим, а не этот черноволосый дядька, я бы пребывала на седьмом месте от счастья, но, увы, увы, увы...

– Ты чего улыбаешься? – услышала я голос Леры.

– Просто так, – ответила я и посмотрела на нее.

Моя двоюродная сестра теперь очень походила на свою мать, собственно, она ее копировала, старательно играя роль светской львицы. С удивлением я поняла, что больше нет капризной, эгоистичной Леры, а есть эффектная и сдержанная Валерия.

* * *

В галерее «Дюма» царила атмосфера, к которой я уже успела привыкнуть, посещая с бабушкой другие светские рауты. Не важно, какие были декорации: открытие выставки ювелирных украшений (первый день только для избранных) или благотворительный вечер в каком-нибудь особняке – все похоже. Тихая плавная музыка, приглушенные голоса с обязательными приветственными восклицаниями, улыбки, не сходящие с лица дам (часто приторные и наигранные), островки мужского смеха и дым дорогих сигарет и сигар в специально отведенном месте, где ведутся непонятные разговоры. Обычно это навевало скуку.

– Я сама здесь все осмотрю, – заявила Лера, огляделась, плавно поворачивая голову направо и налево, улыбнулась и отделилась от нашей процессии.

Направляясь к колоннам, она слишком виляла бедрами, что портило выбранный ею образ.

– А я поздороваюсь со старыми друзьями. Ты тоже прогуляйся, ознакомься с фотографиями, поешь чего-нибудь, – небрежно произнесла Эдита Павловна и поплыла в другую сторону.

Если напрячь фантазию (причем очень сильно) и представить Леру Алешей Поповичем, бабушку – Ильей Муромцем, а меня – Добрыней Никитичем, то не так уж и много дорог оставалось на выбор, всего-то одна.

И я пошла прямо.

Шаг, второй, третий. Чье-то «добрый вечер» и мое ответное «здравствуйте».

Я почувствовала, как и сама меняюсь, не прикладывая к этому никаких усилий, – изумруды и бриллианты ожерелья вспыхнули, обожгли кожу и потребовали достойной подачи. Ну, раз надо, так надо... Я ничуть не сутулилась, сохраняла спокойствие, и на моих губах тоже заиграла улыбка, которую я бы назвала загадочной (а с какой еще улыбкой Добрыня Никитич мог выехать на поле, пряча за пазухой дубинку?).

Народ в основном стоял кучками, но были и те, кто неторопливо передвигался по периметру, разглядывая фотографии. Для начала я последовала их примеру, но со мной стали активно здороваться, из-за чего сосредоточиться никак не получалось. «Люди, кто вы?» – мысленно простонала я, когда рыжая невысокая женщина в нелепом серебристо-розовом платье сообщила мне об ужасной погоде в Париже и аллергии на одуванчики у мопса по имени Фредерик. Я тактично промолчала и спаслась бегством.

Перейдя в зал побольше, я увидела Леру в обществе незнакомого молодого мужчины, похожего на студента-отличника. Моя двоюродная сестра болтала без умолку, жестикулировала и кокетничала, а собеседник внимательно слушал и изредка кивал.

Мне пришлось признать свою ошибку: нет, Лера не могла соответствовать тому образу светской львицы, ее хватило всего-то на двадцать минут (если не считать дорогу от дома до галереи). Невозможно изменить себя надолго – и у нее не получилось. Полный крах! Но, обернувшись, я увидела того, кто меня предал, и ту, которая действительно могла претендовать на «белую кость», – Павла и его сестру Лизу.

Теперь замысел бабушки стал ясен. Она без слов и обсуждений (ни до, ни после, ни во время) будет сталкивать нас везде, где только можно. Потому что теперь она знает историю наших чувств, и, в ее понимании, старая любовь не ржавеет. «Бабушка, бабушка, да я каждый час поливаю ее водой и накрываю тяжелым мокрым пледом! Она заржавеет! Да она уже покрылась грязно-оранжевой коркой!»

Павел кивком поздоровался и задержал на мне пронзительный взгляд. Его сестра сделала глоток воды, отвела от лица стакан и прищурилась.

Лиза сильно изменилась с тех пор, как я видела ее последний раз, а это было три года назад. Она вытянулась, стала настоящей пленительной красавицей с обложки журнала и в отличие от Леры действительно впитала в себя все соки «высшего общества». Волнистые каштановые волосы лежали на плечах, глаза казались огромными, ресницы бархатными, а пухлые губы (шоколадные с легким оттенком розового) наверняка притягивали взгляды многих мужчин. Елизавета Акимова превратилась в стройную принцессу, метившую на место королевы.

– Ты увидела привидение? – услышала я знакомый голос, вздрогнула и повернула голову вправо. – Не бойся, это всего лишь я.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Об этом можно прочитать в романе Ю. Климовой «Счастье на тонких ножках». – М.: Эксмо, 2011.

Купить: <https://tellnovel.com/yuliya-klimova/deystvuy-princessa>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)